

Любовь
со вкусом лета

**Сильвия Лайм
Камила Соколова
Анна Рыжак
Настя Ненастьева
Сана Эванс**

Любовь со вкусом лета
Серия «Румперия. Романтика
со вкусом. Сборники об
искренних чувствах»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73906822
Любовь со вкусом лета. Рассказы: Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-245905-4*

Аннотация

Это легкие, теплые и романтические истории, объединенные одной темой – временем, когда солнце светит ярче, а сердце открыто для приключений. С первой страницы вы словно чувствуете прохладу от летнего зноя, легкую кислинку лимона и сладость клубники. Каждый рассказ – это самостоятельная история. Никаких тяжелых тем, только легкость, искренность и романтика, которые окутают вас, как летний бриз.

Случайная посетительница нейрокафе Лина оказывается втянута в нежелательное пари за сердце бариста. Юная наездница Ванесса борется за место в конном лагере, но его отдают принцу Люксембурга. Флорист Аня и блогер кондитер Давид сближаются благодаря общему умению тонко чувствовать людей и их эмоции. Лайфстайл-блогер Аврора приезжает в заброшенный дом на Волге и превращает его восстановление в успешный блог, а студентка-археолог Софья мечтает о серьезных открытиях, но на пути у нее стоит соперник Даниил.

Чем кончатся эти истории, когда лето подойдет к концу?

Возьмите эту книгу с собой в отпуск и погрузитесь в атмосферу солнца, тепла и любви. Позвольте этим историям подарить вам легкость и вдохновение!

Авторы сборника: Сильвия Лайм, Сана Эванс, Камила Соколова, Анна Рыжак, Настя Ненастьева.

Содержание

Настя Ненастьева

6

Конец ознакомительного фрагмента.

65

**Камила Соколова,
Сана Эванс, Настя
Ненастьева, Сильвия
Лайм, Анна Рыжак
Любовь со вкусом лета
Рассказы**

*** * ***

© Камила Соколова, Сана Эванс, Настя Ненастьева, Сильвия Лайм, Анна Рыжак, 2026

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Настя Ненастьева

Там, где начинается история

«Если кто-то скажет, что археология – это романтика, я швырну в него совком!»

Именно эта мысль пришла Соне в голову, когда она с трудом пыталась вытащить из багажника автобуса тяжеленный чемодан, который застрял между громадной сумкой с туристическим снаряжением и колесными шинами. Пузатый розовый чемодан словно подтрунивал над ней: давай, студентка, покажи характер! После короткой, но ожесточенной схватки он все-таки сдался – вывалился наружу и с глухим стуком рухнул на землю, окатив Соню облаком горячей пыли.

Она была единственной, кто высадился на остановке в десятке километров от небольшого поселка. Водитель терпеливо ждал, пока явно не местная пассажирка заберет вещи, и как только чемодан очутился на земле, багажник автоматически закрылся и автобус укатил дальше.

Воздух дрожал от жары, пахло раскаленным камнем, пылью и бензином. Где-то на склоне трещали цикады, громко и насмешливо, будто наблюдали за борьбой девушки с чемоданом. Тут же на остановке стояла коза с хитрыми глазами и порванным ухом: наверняка ушла «погулять» из деревни.

Коза уверенно тянулась к бейджу, болтающемуся на рюкзаке, с именем Сони и qr-кодом проекта-экспедиции, в котором она была когда-то пресс-волонтером.

– Что уставилась? – буркнула Соня.

Коза ответила уверенным «ме-е-е» и провела носом по бейджу.

– Крым, говорили они... море, солнце, приключения! Да я эту дорогу без кондиционера и туалета в страшных снах вспоминать буду, отличное начало, – недовольно пробормотала Соня. – Ах ты, а ну отдай! – Она отобрала бейдж, на котором теперь красовался свежий след от зубов. – Еще и дикая фауна в подарок!

Ожидания невероятной археологической экспедиции пока не совпадали с реальностью. Для Сони Королевой это была третья практика, но самая долгожданная и важная. Первые две проходили в подмосковных лесах, где настоящих открытий, разумеется, не случилось. А теперь – Крым! После экзамена по античной археологии заведующий кафедрой спросил, не хочет ли она, как одна из лучших студенток, поехать на полуостров, ведь коллегам нужны были толковые молодые специалисты. Для Сони, которая за двадцать лет ни разу не выезжала дальше области, это предложение было сродни полету в космос. Практика в Крыму давала шанс проявить себя и зарекомендовать.

Соня Королева была из простой семьи коренных москвичей. Мама – бухгалтер, папа – учитель истории в школе. И

если мама никогда особо не разделяла любовь дочки к профессии археолога и всегда твердила, чтобы та лучше «нашла себе нормальную профессию, чтобы сидеть в теплом офисе, а не в яме с лопатой», то отец понимал, что любовь к прошлому передалась дочери от него, а потому всячески поддерживал увлечение историей. Именно он каждые выходные водил Соню в музеи древностей, где девочка стояла часами перед витринами с керамическими амфорами и древними монетами, понимая: прошлое не просто даты и события, оно живое, оно рассказывает истории. С тех пор с детства Соню тянуло к раскопкам, к миру, который лежал под слоями земли, и к тайнам, которые только археолог мог раскрыть.

Соня села на чемодан и разблокировала телефон.

«Здесь даже сеть не ловит, – подумала она. – Меня должны забрать в шестнадцать часов. И что теперь делать?»

Она включила фронтальную камеру. На экране отразилось уставшее лицо. Густые рыжевато-каштановые волосы были собраны в небрежную косу, но пряди все равно выбивались и липли к вискам. Зеленые внимательные глаза, широкие брови, россыпь веснушек на щеках. На переносице виднелся след от солнечных очков. Соня тихо вздохнула: после долгой дороги усталость чувствовалась во всем, даже глаза казались тусклее обычного. Она заблокировала телефон, шикнула еще раз на козу, которая вроде как была домашней, и огляделась.

Сзади на холме тянулись обрывистые склоны плато, по-

росшие редкими соснами и низкой степной растительностью – типичной для этой части Крыма. Яркое солнце делало склоны почти золотыми, а воздух был тяжелым и почти липким. Вдали едва угадывалась тонкая серебристая полоска моря.

Несмотря на жару и пыль, Соня любовалась окружающей природой: каждый куст, каждая травинка и каждый камень были для нее новыми впечатлениями. Все это казалось настоящей экспедицией, местом, где она впервые ощущала себя самым настоящим археологом с канала Discovery!

Из рюкзака Соня достала блокнот с волшебным лесом на обложке. Страницы в нем давно пестрели пометками, набросками мыслей, планами «на потом» и мечтами. Следом она вынула гелевую черную ручку и, почти не задумываясь, записала на чистой странице:

«Первое в жизни море.

Осталось всего три недели!»

Она записывала подобные вещи почти машинально. Так ей было надежнее, что ли: будто, появившись на бумаге, мечта, например, становилась чуть ближе.

До этого Соня никогда не видела море вживую, а практика в Крыму как будто подталкивала ее наконец исполнить эту давнюю мечту.

Где-то неподалеку раздалось глухое тархтение, такое упрямое, будто кто-то пытался запустить трактор эпохи динозавров, не меньше. Соня захлопнула блокнот и спрятала

его в рюкзак. Через пару минут из-за поворота вынырнул древний грузовик, который, судя по виду, держался явно на честном слове и изоленге, но тарыхтел с уверенностью старого «Урала», который в прошлом веке в боях побывал и ни разу не заглох по собственной воле.

Когда машина остановилась, из кабины вылез загорелый крупный парень примерно возраста Сони в выцветшей майке, широких шортах, резиновых шлепках и кепке.

– Королева? Соня? – спросил он, прищурившись.

– Да... – осторожно ответила Соня. – А вы?.. Ты?..

– Серега... Сергей Молочников. Хотя какой Сергей, тоже так и зови меня – Серега. Техник из палаточного лагеря. За тобой прислали, – сказал он и широко улыбнулся.

Легко, словно пушинку, забросив чемодан в открытый кузов, между канистрами, ящиками с инструментами и свернутыми тентами, Серега жестом пригласил Соню на пассажирское сиденье. Он показался человеком простым и добродушным. Таким типом, который в любой глухой ситуации найдет выход и еще шутку отпустит. Дорога до лагеря обещала быть нескудной.

– Остальные вчера все добрались, уже и копать начали даже. Нетерпеливые. Но тебя все ждут, не подумай. Все, поехали, пока эта махина на ходу, – сказал он, заскакивая внутрь. – Дорога тут как целый квест: то песок, то камни, то коза на повороте.

– Это я уже заметила, – сказала Соня, рассматривая поку-

санный бейдж и обмахиваясь кепкой, которую ей заботливо вручил Серега.

Двигатель заурчал, и грузовик покатился по ухабистой дороге.

– Так ты из Москвы, значит? – спросил он. – Ну, держись. У нас археология без кондиционеров и кофе навынос.

Соня рассмеялась.

– Отлично. Я как раз брала отпуск от цивилизации.

– И не лекции, а фитнес с лопатой!

– Я поняла уже, поняла, я готова ко всему!

Серега тоже рассмеялся.

– Правильный настрой.

– Ты сказал, что техник. Чем именно занимаешься?

– Без меня лагерь долго не протянет, – деловито заявил Серега. – Я и воду вожу, и генератор чиню, и свет вечером запускаю. Если палатка порвалась – латаю. Если тачка застряла – вытаскиваю. Инструменты чиню. Короче, археология археологией, а жизнь в поле кому-то надо обеспечивать.

– Не думала, что у археологов есть личный техник, – искренне удивилась Соня.

– Еще как есть, – гордо ответил он. – У нас и повар есть, Анна Павловна, местная. Варит кашу так, что даже комары перестают звенеть, слушают, как ложки стучат. Так что не переживай, москвичка, проживешь.

Соня улыбнулась. Легкий ветерок бился в открытое окно, пахло горячей пылью и степной полынью. Дорога шла вверх,

к холмам, а внизу, в мареве жары, едва мерцала тонкая серебристая линия моря – далекая, почти нереальная. Все вокруг казалось новым, живым, полным обещаний. Соня чувствовала, что начинается не просто практика: начинается ее собственная история.

...Лагерь археологов представлял собой маленький мир, застрявший где-то между прошлым и настоящим: десяток палаток цвета выгоревшей травы, натянутые веревки с сушащимися рубашками и футболками, маленькая кухня под брезентовым навесом и большой шатер с табличкой «Штаб», написанной от руки.

В центре стоял длинный импровизированный стол, сколоченный из ящиков и поддонов. На нем лежали керамические черепки, обломки амфор, куски штукатурки, фрагменты металлических украшений – следы древней жизни, которые студенты осторожно чистили и сортировали. Все это напоминало смесь стройки, базара и приключенческого фильма в духе Индианы Джонса.

Между палатками сутились ребята: кто-то таскал небольшие ящики с инструментами, кто-то спорил о датировке находки, кто-то просто отдыхал. И никто, совершенно никто не сидел в телефоне, что было крайне удивительно. Будто на въезде стоял знак с надписью: *«Оставь связь всяк сюда входящий»*.

Увидев подъехавший грузовик, студенты, а точнее – студентки, тут же побросали дела и потянулись к новенькой.

Как быстро заметила Соня, из парней тут был лишь Сергей, который ее привез. Наверняка в лагере находился кто-то еще, помимо руководителя, конечно, просто был чем-то занят.

«Кажется, будет как в вузе, – подумала Соня, – вечная борьба дам за внимание редких мужских экземпляров».

– Добро пожаловать в оазис цивилизации, – громко объявил Серега, одновременно выгружая из машины чемодан и инвентарь. – Тут и спишь, и работаешь, умываешься и пьешь из одной и той же канистры. Красота!

– А пыль и песок – наш фирменный скраб, – улыбнулась высокая полная девушка с толстой длинной косой. Она держала в руках штатив с телефоном. – Через неделю кожа будет как у древнего черепка. Я – Арина. А его не слушай, преувеличивает много.

Серега широко улыбнулся и полез в машину.

– Соня. Софья Королева, – представилась Соня, знакомясь.

– Привет! Я Даша, а это Ксюша, – кудрявая брюнетка в розовом спортивном костюме и с ярким макияжем набросилась на Соню с объятиями, чем слегка смутила ее, а Ксюша – худенькая низенькая блондинка – и другие девочки приветственно закивали. – Ты из МГУ, да? Из Москвы? Я из Краснодара!

– Нам про тебя говорили, – сказала Ксюша.

– Говорили? – удивилась Соня. – Надеюсь, хорошее?

– Ну... – Даша хитро улыбнулась. – Говорили, что ты «с характером».

– Отлично, – вздохнула Соня. – Значит, сразу «репутация».

– В хорошем смысле! – поспешила добавить Даша. – Руководитель ставил тебя в пример. Сказал, что Королеву рекомендовали серьезные люди.

Соня чуть смутилась. Всегда приятно, когда тебя хвалят, особенно при первом знакомстве.

– Ой, а давайте снимем видео о... – оживилась Арина и полезла в телефон.

Даша не дала ей договорить.

– Опять? Давай без меня, я даже не покрашена нормально!

Ксюша лишь закатила глаза, а Арина обиженно убрала телефон.

– А где он, кстати? Руководитель, – спросила Соня.

– В «штабе». Он по вечерам там с документами разбирается.

В этот момент из «штаба» вышел парень с тетрадью в руках и карандашом за ухом. Коричневая рубашка с засученными рукавами, запыленные черные широкие штаны с карманами и кроссовки, измазанные глиной, – ну просто Индиана Джонс на студенческой стипендии, не иначе! Среднего роста, подтянутый, с легкой небрежностью в походке. Темно-русые волосы растрепаны, словно он не из палатки вы-

шел, а только что боролся с сильным ветром где-то в степи.

Заметив Соню, он вдруг замер, словно кто-то нажал паузу. Его взгляд задержался на ней чуть дольше, чем требовала вежливость, и в этом взгляде было что-то внимательное и неожиданно мягкое. Затем он прищурился и быстрым шагом направился к ней. В глазах мелькнула насмешливая искра.

– Новенькая приехала, да?

– Софья Королева, – представилась девушка. – А ты... вы?..

– Игорь Петрович, руководитель экспедиции, – ответил парень с абсолютно серьезным видом.

– Но... – Сергей, вернувшийся из грузовика с лопатой, хотел было что-то возразить, но парень отобрал у него из рук лопату и, опершись на нее, подмигнул.

– Софья Королева, для допуска к завтрашним раскопкам нужно пройти проверку, – с делано важным видом сказал руководитель.

– Какую еще проверку? – напряглась Соня. – У меня с собой есть все необходимые документы, если...

– Проверку на совместимость с землей на этой территории.

– Простите, на какую еще совместимость? Что?

Соня опешила и на секунду растерялась. В голове всплыли сцены из американских молодежных фильмов, где новичков в общежитиях или в студенческих братствах гоняют по дурацким «испытаниям», чтобы доказать, что ты свой.

Обычно этим занимались какие-нибудь самоуверенные парни-качки с идиотскими улыбками. Но чтобы подобное было на археологической практике... Этого она точно не ожидала.

– Все просто, никаких сложных испытаний, – невозмутимо пояснил руководитель, словно прочитав ее мысли. – Если песок прилипнет к тебе – место приняло. Если нет – чемодан, вокзал, Москва!

Соня посмотрела на него, на девочек, которые давились смешками, и непонимающе заморгала. Арина включила камеру на телефоне и на немой вопрос Сони ответила, что ведет аккаунт в популярной соцсети и просто не может не поделиться с ее тридцатью тремя подписчиками интересностями из жизни археологов.

Руководитель зачерпнул лопатой горстку земли и аккуратно бросил ее Соне на ногу, прямо на белоснежный кроссовок. Соня скрестила руки на груди и недоуменно свела брови.

«Что за странные посвящения? – подумала она. – Точнее, что за цирк? Замдекана говорил, что Игорь Петрович – серьезный и уважаемый человек...»

– Не прошла, – строго констатировал руководитель, глядя на результат. – С тебя песок сыпется.

– Что?! – возмутилась Соня. – Это с меня-то песок сыпется?!

Все рассмеялись.

– Даня, ну все, хватит пугать девушку! – заявил Серега и

приобнял Соню за плечи. – Она и так после дороги!

На его жест тут же почему-то отреагировала Даша: она прищурилась, сложила руки на груди и сделала вид, что ей все равно, – Серега тут же отстранился от Сони и отступил на шаг. А парень, которого называли Даней, широко улыбнулся.

– Ну что ж, посвящение не пройдено, конечно, но шанс на реабилитацию есть. Завтра на раскопе посмотрим, выдержишь ли здешнее солнце и комаров. Они тут, знаешь, страшнее любого экзамена.

– А вы тут всем такие проверки устраиваете, Даниил?

– Просто Даня. Только тем, кто выглядит уверенно, – ответил он, и в его голосе прозвучала едва уловимая насмешка. – Обычно самые стойкие и сдаются первыми.

– Уверенность – не преступление, – парировала Соня. – Зато самоуверенность – уже симптом.

Девочки захихикали, а Сергей заулюлюкал. Даня чуть прищурился, но улыбка с лица не исчезла.

– Даже так... Ну, посмотрим, кто из нас сдастся первым, – спокойно бросил он.

– Посмотрим, – не осталась в долгу Соня, а про себя добавила: «Ну что за детский сад, штаны на лямках! Мы что, в школе, чтобы соревноваться друг с другом за пятерку?»

Они пару секунд смотрели друг на друга с каким-то молчаливым обещанием будущей схватки, и никто не хотел первым отводить взгляд.

В этот момент из «штаба» вышел настоящий руководи-

тель – Игорь Петрович, высокий поджарый мужчина в ярко-зеленой панаме и с очками на шнурке. Он тепло пожал Соне руку, коротко расспросил о дороге и бумагах, а потом попросил Сергея показать весь лагерь, что тот охотно сделал в сопровождении Арины, Даши и Ксюши.

Быстро опустились сумерки. Воздух стал прохладнее, над холмами вспыхнули первые звезды. В лагере разожгли костер. Пламя осветило палатки и сделало все вокруг уютным и живым. Почти вся команда собралась у огня, и атмосфера стала ленивой и почти домашней, несмотря даже на то, что всех этих людей Соня узнала только сегодня.

Все же оказалось, что помимо Сергея и Даниила Якубова, о котором потом еще пару раз говорила Ксюша, парни в лагере все-таки были. Витя, молодой человек Арины, который все время что-то рассказывал, активно жестикулируя, как итальянец. И Илья, молчаливый и отстраненный, будто приехал сюда случайно и мыслями находился где-то очень далеко.

На импровизированной кухне хлопотала Анна Павловна, которую утром и вечером привозил из поселка Сергей. Повариха говорила коротко, только по делу, любила порядок и всех студентов называла «мои раскопки». Арина сказала, что она уже лет десять кормит различные экспедиции тут, а Игорь Петрович и вовсе заявил, что ее борщ – стратегический запас отечественной науки.

На ужин была тушеная картошка с мясом и луком, от ко-

торой шел такой аромат, что практиканты забыли про разговоры и отдых и тянулись за добавкой. К чаю из местных трав – ватрушки, которые Анна Павловна, как выяснилось, испекла еще утром. Простая еда показалась Соне невероятно вкусной.

А потом на столе появилась еще и настоящая крымская клубника. Огромная, почти на пол-ладони, невероятно сладкая и ароматная. О такой в Москве можно было только мечтать. Соня не помнила, чтобы когда-нибудь ела с таким удовольствием.

Практически весь вечер Даня не сводил с Сони глаз. Он смотрел не нагло и не с вызовом, а с каким-то внимательным интересом, будто пытался понять, кто она такая на самом деле. Сначала Соня старательно избегала его, делая вид, что занята разговором с девочками, но потом, сама не заметив как, стала отвечать ему таким же взглядом. Смотрела прямо, спокойно, будто проверяя, выдержит ли он. И Даня выдерживал. Только уголки его губ чуть заметно подергивались.

После ужина у Вити в руках откуда-то появилась потрепанная временем гитара, и к костру мигом подтянулась вся женская часть лагеря. Витя играл громко, с душой, но фальшиво и только на трех аккордах, отчего почти все песни звучали одинаково. А когда надоело, Даша принялась рассказывать страшилки, от которых, правда, больше смеялись, чем пугались.

Соню поселили вместе с Дашей, которая сразу предупред-

дила:

– Если ночью начну что-то бормотать – не пугайся. Я обычно обсуждаю философию, но могу перейти на историю позднего Средневековья.

– Ладно, – улыбнулась Соня. – Главное, не начни экзамен принимать.

Девушки посмеялись и улеглись в спальники. Даша немного покривила душой: как оказалось, она не только говорила, но и громко храпела. А вот к Соне сон не шел. Она думала о практике.

Завтра – первый день настоящих раскопок. В груди приятно щемило от предвкушения: она делает то, о чем всегда мечтала. Только мысли почему-то все время возвращались к соседней палатке, где спал Якубов. Или еще не спал?

Храп соседки становился все громче, будто Даша вела переговоры с каким-то невидимым духом сна, и Соня, не выдержав, тихо выбралась наружу подышать воздухом. Легкая приятная ночная прохлада ласково коснулась лица.

Лагерь погрузился в глубокие сумерки: палатки стояли темными силуэтами, только кое-где теплились мягкие золотистые огоньки фонариков. Соня подняла голову: сверху распростерлось огромное, колдовски чистое небо. Звезды сияли так ярко, что, казалось, их можно было сорвать рукой. В кустах перекликались цикады, и их тонкая трель сливалась с шелестом сухих трав, превращаясь в тихую ночную музыку.

Лишь спустя полминуты Соня обнаружила, что она не одна. Даня стоял у своей палатки и возился с рюкзаком. Свет от фонарика был приглушенный, теплый, а двигался Якубов почти бесшумно, и потому она не сразу заметила парня. Он поднял голову, будто почувствовал, и их взгляды встретились. На мгновение вокруг будто стало тише.

– Вставать с петухами. Если завтра опоздаешь, Королева, я напишу в журнале, что ты ночью таинственно пропала.

Что-то пряталось в его тоне. Что-то, что она не могла разгадать.

Соня фыркнула:

– Прямо «таинственно»?

– А как еще. Тут все-таки археология – без загадок никуда.

– Не переживай. Если и пропаду, то вернусь.

Даня посмотрел на нее и сказал таким тоном, что невозможно было точно понять, вопрос это был или утверждение:

– Как ласточка.

«Какая еще ласточка?» – подумала Соня, еще раз взглянула на Даню, после чего повернулась и полезла в палатку, чувствуя странное тепло в груди: смесь раздражения, любопытства и почему-то легкого восхищения.

Утро наступило раньше, чем Соня была к нему готова. Ночь на земле в палатке оставила свои следы: спина ныла, плечи и шея затекли от жесткой подстилки, а утренняя прохлада заставила поежиться.

К пяти тридцати лагерь уже полностью пробудился ото

сна. Анна Павловна, несмотря на ранний час, уже выдавала миски с кашей и румяные лепешки, а на столе дымились чашки с чаем из местных трав. Соня удивилась: выходит, Серега поднялся раньше их всех, если успел съездить в поселок за поварихой. И впрямь незаменимый человек.

Попивая горячий ароматный напиток с карамельками, которые всегда были в кармане, Соня пыталась проснуться. Она уже и позабыла, что такое подниматься рано, потому что жила недалеко от университета. Выходило не очень, но улыбки ребят и дух соперничества, который уже витал в воздухе, обещали день, полный интересной работы... и, возможно, маленьких радостей.

Экспедиция размещалась на склоне одного из небольших холмов, где когда-то находилось античное поселение. Ранее здесь проходили торговые пути, соединявшие северные колонии Боспорского царства с греческими колониями на побережье Черного моря. Остатки прошлой цивилизации сохранились в виде каменных кладок, фрагментов керамики и обломков амфор, которые в давние времена использовали для хранения товаров. Теперь же от древних строений остались лишь едва заметные углубления в земле, редкие камни и контуры фундаментов и стен, едва различимые в земле, — тихие намеки на жизнь, которая когда-то кипела здесь.

Соне достался квадрат¹ рядом с молчаливым Ильей, кото-

¹ Рабочий участок на раскопе. Каждый студент или пара студентов отвечает за свой квадрат: снимает землю слоями, фиксирует находки и наблюдения. Такой

рому, казалось, сегодня точно так же не было дела до практики и он просто проходил мимо раскопок, и Ксюшей, которая косилась в сторону Дани и тут же краснела, стоило ему посмотреть в их сторону.

Участок уже был слегка расчищен, верхний рыхлый слой земли и трава убраны, и теперь оставалось аккуратно углубляться. Слой за слоем Соня снимала землю кельмой и совком, потом кисточкой прочищала любой камешек или осколок – те могли оказаться частью большой истории, поэтому права на ошибку у нее просто не было.

Соня украдкой наблюдала за действиями Якубова, который и правда, как оказалось, был хорош в работе. Несмотря на то, что она терпеть не могла авторитетов – а его тут все, как оказалось, считают авторитетом, – ей важно было проверить самой его компетентность.

Даня осторожно расчищал участок вокруг углублений, поднимая кельмой слои земли, тут же острым кончиком инструмента проверял рыхлую почву и внимательно рассматривал камушки. Каждое движение было выверенным и точным.

По оттенку почвы и мелким вкраплениям он сразу мог сказать, где меняется слой, где когда-то был очаг, а где просто осыпался грунт. Несколько раз Соня видела, как кто-то уже тянулся с инструментом, но Даня коротким жестом останавливал, и под верхним слоем действительно проявлялась

четкая граница другой земли.

Соня поймала себя на мысли, что смотрит на парня слишком долго и будто замороженная. Но Даня и правда слишком выделялся среди остальных, и парней уж тем более, чтобы не замечать его. Верхние пуговицы рубашки были расстегнуты, обнажая загорелую шею, а закатанные до локтей рукава открывали сильные, жилистые руки, которыми он уверенно работал с землей. Темно-русые, чуть длинноватые волосы постоянно падали на лоб, и он время от времени отбрасывал их назад.

Шрам у брови, который делал лицо Дани слегка суровым, почему-то казался Соне невероятно симпатичным: добавлял мужественности. Откуда он взялся? Веселое детство на качелях? Собака покусала? Или это след заступничества перед какой-нибудь девчонкой?

«Интересно, есть ли у него девушка?» – подумала Соня.

Ей хотелось и наблюдать за ним, и одновременно доказать, что она не уступит Дане ни в работе, ни в шутках, ни в... да ни в чем не уступит!

Не выдержав, она обратилась к Ксюше:

– А что, кстати, за парень он такой?

– Даня? – Ксюша тут же встрепенулась, и ее глаза вспыхнули как два фонаря.

– Ну... Он классный.

– А как профессионал? – Соня закатила глаза и улыбнулась.

Щеки Ксюши зарделись, но она сделала вид, что ей просто жарко.

– Хм... Все время старается быть первым, любит похвастаться, показать себя. Но что тут такого, если и правда есть что показать, правда же? Ну, я имею в виду... Имею в виду... – Она накрутила светлый локон на палец, лихорадочно соображая, что бы сказать.

– Да-да, – закивала Соня, даже не пытаясь скрыть сарказм в голосе. – Я поняла, продолжай.

– Дружелюбный, шутит даже в самый неподходящий момент, – охотно затараторила Ксюша, словно и забыв о работе. – Может, он и кажется выскочкой, но на самом деле это не так! В общем, ты поймешь, если поработаешь рядом.

Соня кивнула, любопытство возрастало.

– А ты с ним, значит, уже работала?

– Да, один раз! В прошлом году. В Крыму, но только в другом месте и в другой экспедиции, – довольно заявила Ксюша. – О, а еще Даня постоянно спорит со всеми на шоколадку. Кроме Даши, она ярый противник сладостей и сахара в целом. Ты не брала с собой сюда какие-нибудь батончики?

– Нет, но у меня почти всегда есть с собой мятные леденцы. Привычка.

– Зря, ведь точно с тобой поспорит.

– Но ведь не факт, что я проиграю!

– О, можешь не сомневаться, – рассмеялась Ксюша. – Тут вон за сутки уже четверо проспорили, пришлось у Сереги в

поселке просить купить шоколад.

– Все настолько серьезно? – фыркнула Соня.

– Настолько, – кивнула Ксюша и добавила: – И профессионал он классный, конечно. У него какое-то шестое чувство на находки. Но мне кажется, что, возможно, все дело в талисмане, который он носит на шее.

Соня прищурилась. На шее у Дани действительно был черный шнурок, а вот подвеску видно не было, она пряталась за воротом.

– И что за талисман?

Ксюша пожала плечами.

– Не знаю. Я не рассматривала его грудь, – сказала она и тут же смутилась, поняв, как это могло прозвучать со стороны.

– Понятно, – равнодушно ответила Соня. По крайней мере, она хотела, чтобы это самое «понятно» прозвучало как можно более беспечно.

В этот момент Даня поднял руку, привлекая внимание остальных.

– Эй, ребята, смотрите! – прокричал он, и весь лагерь, словно по сигналу, обернулся к нему. – Нашел кое-что интересное!

Он осторожно вынул из земли небольшой фрагмент керамики с остатками росписи. Место находки тут же сфотографировали, а сам Даня сделал заметки в тетради. Фрагмент он аккуратно положил в маркированный пакет, который по-

том отнесут в штаб для чистки и регистрации.

– Отлично, Якубов! – одобрительно сказал руководитель группы Игорь Петрович. – Первая действительно серьезная находка уже на второй день, и такая аккуратная работа! Так держать.

Даня, сияя от удовольствия, посмотрел на Сою:

– Видишь, Королева, один – ноль в мою пользу, – заявил он с легкой усмешкой.

Соня сдержала улыбку. Вот же наглый, сияет так, будто выиграл чемпионат мира, а не нашел обычный фрагмент керамики! Значит, он всерьез решил играть в это детское соревнование? Не просто подкол, не случайная бравада, а вызов? Отлично. Просто отлично.

Солнце поднялось уже довольно высоко, жара давила, пыль липла к коже, но Соня упорно продолжала расчистку своего квадрата. Она почти не слышала болтовни вокруг и нутром чувствовала: что-то тут определенно должно быть. Она осторожно работала кельмой, потом сменила ее на кисточку, и вдруг под щетинками проявилась четкая закругленная линия.

Сердце дрогнуло. Соня замерла, после чего быстро, но аккуратно стала очищать находку. И вот показалась часть глиняного горлышка с ровным, даже изящным краем.

– Игорь Петрович! – громко позвала Соня, стараясь, чтобы голос звучал как можно более спокойно. Хотя внутри уже разгорался маленький костер победы.

Руководитель подошел, пригнулся и прищурился. На автомате он натянул тонкие нитриловые перчатки – как потом узнала Соня, это была привычка, которой он придерживался, когда брал находки в руки, – и осторожно провел пальцем по краю.

– Так... – протянул он. – Судя по толщине стенки и обработке края... Похоже, это горлышко хозяйственного кувшина. Предварительно поздний бронзовый век. Местная культура, типичная для этого слоя. Но форма... – он наклонился еще ближе, – форма чистая. Очень. Это хороший образец, молодчина!

У Сони внутри все перевернулось от похвалы. Слева раздался подозрительно выразительный кашель. Разумеется, это был Даня. Он стоял рядом (и когда успел подкрасться?!), скрестив руки на груди, и смотрел на находку так, будто она появилась исключительно назло ему – как личное напоминание, что не один он сегодня звезда раскопок.

– Ну что, – произнес он, слегка наклонив голову, – это получается... один – один, что ли?

– Два – один в мою пользу, – парировала Соня.

– Это еще почему?!

– Мой фрагмент больше.

– Больше – не значит лучше, Королева. Мой был первым.

– Ладно, зато мой – красивее.

– Археология – это тебе не конкурс красоты.

– Тогда почему ты свои находки всегда фотографируешь

под всеми углами?

Сзади кто-то прыснул: Арина сделала вид, что случайно уронила совок, чтобы не показать смех, а Витя рядом с ней кашлянул в кулак.

Даня прищурился.

– Крупнее... лучше... Вы что, кое-чем меряетесь тут или что? – отпустил шуточку Витя.

– Нет, – невозмутимо сказала Соня, – мы сравниваем профессионализм. И у меня, – она гордо посмотрела на Даню, – как видишь, с этим все прекрасно.

– Якубов, – вмешался Игорь Петрович, все еще присматриваясь к Сониной находке, – по-моему, Королева уровень конкуренции поднимает. Держись. Или сдавайся сразу, – он подмигнул Соне.

Соня усмехнулась.

– Королева... – протянул Даня. – Ты прямо просишься на реванш.

– А ты прямо просишься снова проиграть.

Их взгляды сцепились. Но за всей этой колкостью пульсировало что-то легкое, теплое, едва уловимое. Что это? Соперничество? Искра? Или смесь того и другого, что электризовала воздух между ними?

Соня первой отвела глаза, снова принялась за расчистку, а Даня, уходя к своему квадрату, все-таки мягко бросил напоследок:

– Посмотрим, Королева. Мы еще посмотрим.

Соня закрыла глаза и, когда Якубов ушел, подошла к краю раскопа и взяла толстую потрепанную тетрадку, в которой делала пометки для работы. Под ней лежал ее блокнот, который она прихватила сюда, чтобы записать эмоции от первого рабочего дня. Да, конечно, можно и на телефон в заметках все записывать, но ведь бумага – это же совсем другое. Еще Булгаков, а точнее, его персонаж Воланд сказал, что рукописи не горят. А значит, если уж что-то записано от руки, у этого есть шанс остаться, даже когда разрядится батарея или сотрутса при очередном обновлении все заметки.

Она быстро украдкой вывела строчку:

«Якубов сегодня признал поражение.

Почти. Удивительно приятно».

Закрыв блокнот, Соня положила его обратно под тетрадку и, возвращаясь к работе, поймала себя на том, что улыбается.

Следующие несколько дней лагерь жил в уже привычном ритме: звенели лопаты, скрипели совки, пахло глиной и травой. Утренние подъемы сменялись поздними отбоями, Анна Павловна радовала вкусными обедами, а вечерние «три аккорда» Вити и страшилки Даши собирали всех у костра. Постоянные просьбы Арины принимать участие в съемках роликов для ее соцсетей тоже уже не смущали: Соня неожиданно для себя с легкостью и даже с удовольствием вливалась в общие видео, позволяя себе быть просто частью этой суетливой, живой экспедиционной жизни.

В работу она тоже влилась быстро. На раскопках двига-

лась уверенно и без суеты, почти скользя между квадратами. В ее жестах была выверенность, будто она чувствовала ритм той маленькой истории, что скрывалась под слоем земли, и подстраивалась под него. Все найденные артефакты Соня нежно поглаживала и относила в «штаб», понимая, что любой фрагмент может стать ключом к большой находке. И ее результативность быстро стала заметна.

Коллекция находок у Сони пополнялась быстрее, чем у большинства ребят, хотя среди них были действительно опытные. Витя, например, был родом из Армении (хотя Соня ни в жизни бы об этом не догадалась) и часто бывал на раскопках там. А отец Ксюши был замдекана в одном известном университете, поэтому она с самого начала попадала на хорошие практики.

И все же находки именно Сони привлекали внимание Дани. Впрочем, не только его. Даже молчаливый Илья, которому казалось одинаково безразличным все происходящее вокруг и который почти никогда не ходил без наушников, иногда задерживал на ней внимательный, почти удивленный взгляд. Было ясно: Соня здесь не ради галочки – она действительно умела хорошо работать, и это быстро принесло ей уважение среди ребят и превратило в настоящего соперника для Дани.

В отношениях же между Соней и Даней спустя эти пару дней будто натянулась тонкая невидимая струна: стоило одному что-то сказать, как другой непременно дергал за

эту струну и находил, что возразить. Они спорили обо всем: о правильной глубине раскопа, о датировке найденных фрагментов, даже о том, чья очередь идти за обедом первому. Иногда их пикировки напоминали почти научные дискуссии, иногда – легкие детские подколки.

К этому привыкли и остальные. В лагере даже появился новый способ развлечения: наблюдать, чья аргументация сегодня окажется убедительнее – Королевой или Якубова, – и делать ставки на что-нибудь сладкое.

Постепенно Соня узнавала о Дане больше. От девочек она слышала, что он вовсе не местный самородок, как ей показалось вначале. Якубов тоже учился в Москве, просто в другом университете, том самом, где училась и Ксюша, а каждое лето возвращался домой в Крым и работал здесь на раскопках.

Это задело Соню сильнее, чем она ожидала. Значит, он не случайный парень «с места» и не удачно пристроившийся помощник. Значит, он такой же, как и она: с хорошей базой, с амбициями, с осознанным выбором профессии.

Ей было куда удобнее считать Даню просто наглым и самоуверенным. Но теперь к этому образу добавлялось другое: сосредоточенность, внимательность к деталям, спокойная уверенность человека, который знает, что делает. И Соня с досадой поймала себя на том, что все чаще смотрит на него дольше, чем нужно, и вовсе не из профессионального интереса.

Даня был ко всему прочему очень привлекательным: открытое лицо с четкой линией скул и упрямым подбородком, а в прищуре голубых глаз постоянно плясали смешинки. Небольшой шрам у брови придавал ему не суровости, а той самой живой неидеальности, от которой трудно отвести взгляд. И чем больше Соня видела его за работой – с кисточкой в руке, с нахмуренными бровями, – тем труднее было убеждать себя, что эти взгляды ничего не значат.

К счастью, лагерный быт безо всякой пощады рушил любой намек на романтику. Стоило лишь отойти от раскопа, как начинались очередные бытовые «битвы»: то Даня без очереди занимал станцию зарядки, то Соня, по его мнению, «совершала преступление против человечества», варя слишком крепкий кофе на костре, то еще чего.

Как-то утром история с кофе даже переросла в импровизированный кулинарный турнир: Соня упрямо готовила свой «вулканический» напиток, Даня – демонстративно изысканную альтернативу, свистнув где-то щепотку корицы, хотя позже пытался всех убедить, что корица – совершенная обыденность в полевых условиях. Арина, Витя, Ксюша и Даша с удовольствием устроили дегустацию. Все, кроме Ксюши, отдали победу Сониному кофе, а сама Соня, уловив пряный аромат, возмутилась «неспортивным ходом», ведь условия в любом соревновании должны быть равные. Даня же лишь усмехнулся, протянул ей кружку, с видом победителя сообщив, что в кофе как на войне – все средства хороши, хотя тут

же признал, что ее напиток все равно получился лучше, и отдал шоколадный батончик, на который поспорили. И именно такие мелочи и превращали столкновения Сони и Дани не в конфликты, а в своеобразное ежедневное соревнование, за которым весь лагерь наблюдал как за сериалом.

А однажды вечером судьба подбросила еще один повод. Возле переносного душа толпились девочки, и Соня едва успела подойти ближе, как увидела их унылые лица и... остатки былой роскоши.

Полка, на которой стояли шампуни, была сорвана, а флаконы валялись на земле в жалком состоянии. Половина пролилась, половина треснула, а дорогущий корейский шампунь Даши и вовсе исчез, видно, куда-то укатился.

– Ну что, – вздохнула Арина, поднимая бутылочку, – какой-то очень избирательный ураган прошелся по нашей косметике.

– Да это не ураган, это сто процентов Данин локоть! – возмутилась Даша, всплеснув руками. – Он вечно тут тусит! Моется чаще, чем любая из нас!

– Ну почему сразу Данин? Человеку нельзя мыться, что ли, или что? – попыталась защитит Якубова Ксюша. – И вообще – это мог быть кто угодно! Может, ветер... зверь пробежал... Витя или Илья, почему нет?

– Да ты попробуй вообще моего Витьку в этот душ загнать! – закатила глаза Арина. – Вчера сказала ему, что с него уже штукатурка сыпется, так он обиделся и заявил, что «так

формируется уникальный микроклимат исследователя». А мне с ним целоваться вообще-то, – проскулила она.

– А Илья не показывается лишний раз нигде. Зачем он вообще приехал... И вообще, хватит уже Якубова оправдывать! – заявила Даша. – Все знают: он по сто раз в день в душ может ходить. Совпадение? Я так не думаю!

Из-за палатки рядом послышалось удивленное и немного возмущенное:

– Что? Это сейчас кто на меня наговаривает? Ты, что ли, Колесникова?

Девочки вздрогнули. Из-за тента вышел Даня: с мокрыми волосами, полотенцем на плече и абсолютно искренним недоумением на лице. Даша нахмурилась и скрестила руки на груди, Арина покачала головой, а Ксюша, как обычно, покраснела и отвела взгляд.

Даня посмотрел на разбросанные флаконы, на девочек, на Соню, которая прищурилась и смотрела на него так, будто собиралась допрашивать как главного подозреваемого.

Он аккуратно поднял один из флаконов двумя пальцами, словно это была подозрительная улика, и покачал головой:

– «Волшебное разглаживание с гиалуроновой кислотой», – прочитал он вслух, пораженно приподнимая бровь. – Да вы должны благодарить того героя, который решил убрать эту алхимию с полок. То ли дело у меня: универсальный шампунь сто-в-одном.

– То есть это не твоих рук дело? – Даша уставилась на

него, с недоверием качая головой.

– О да, конечно, – сказал он с преувеличенной серьезностью. – Я же известный маньяк по уничтожению шампуней. Хожу по лагерю, разбиваю флакон за флаконом, чтобы никто... *никто*... не мог вымыть голову!

Ксюша прыснула. Арина отвернулась, чтобы скрыть улыбку. Даша же стояла суровая и непреклонная, как прокурор.

– Якубов, ты что, скорпион по гороскопу?

– А ты имеешь что-то против скорпионов? Этих милых созданий?

– Имею. Это мое стоп-слово. – Соня улыбнулась.

– Королева, – вздохнул театрально Даня, – ты думаешь, что это я сделал?

Соня пожала плечами, мол, не решила еще. И, кажется, именно это – больше, чем обвинения в порче шампуней, – задело его сильнее всего. Как это – она и не решила? Она обязана была ответить «да», чтобы снова между ними завязался спор!

Даня резко приблизился к ней и внимательно заглянул в зеленые глаза, будто пытаясь заглянуть прямо в мысли девушки.

– Ты сомневаешься? – уточнил он мягко, но с той самой ленивой ухмылкой, от которой хотелось либо ударить его, либо... ну да, стукнуть его разок-другой точно не помешает!

Соня сложила руки на груди и гордо выдержала его взгляд, хотя внутри все ухнуло от такой резкой близости.

– Улик нет, свидетелей нет. Разве что твоя репутация...

– Репутация, – протянул Даня. – Вот оно, значит, как все работает: я виноват по умолчанию.

Ксюша хотела что-то сказать, наверняка в защиту Якубова, но Даша ее остановила и почему-то подозрительно прищурилась.

Даня шагнул еще ближе. Не настолько, чтобы это выглядело нагло, но ровно настолько, чтобы Соня отчетливо ощутила запах его древесного шампуня. Такого аромата среди разлитых флаконов точно не витало. Он бы напрочь заглушил цветочные и пудровые запахи.

– Но если ты все же сомневаешься... – Он склонил голову чуть набок и понизил голос: – Значит, допускаешь, что я могу быть невиновен. Соня.

– Допускаю, – тихо сказала Соня и сама удивилась, почему вдруг показалось, будто это признание о чем-то большем, чем просто разговор о шампунях.

На лице Дани на мгновение мелькнуло что-то, подобное удовольствию.

– Значит, – прошептал он, едва-едва улыбнувшись, – надежда у меня все-таки есть.

Соня моргнула и как замороженная смотрела в голубые глаза.

– На что? – выдавила она из себя наконец.

– На справедливый суд! – выдал Даня и рассмеялся. – На объективность следствия! На то, что меня Колесникова, –

он посмотрел на Дашу, – не четвертует в чистом поле без доказательств, – и тут же позволил себе быстрый короткий взгляд на Соню снизу вверх, чуть оценивающий.

Полсекунды – и Якубов снова был невозмутим, как академическая комиссия на защите диплома. Но Даша явно заметила это внимание к Соне и прищурилась так, что любая судебская коллегия взяла бы ее к себе без собеседования.

– Ага, – заключила она. – Понятно.

Соня на всякий случай сделала шаг назад: слишком уж жарко стало рядом с этим самодовольным археологом. Чтобы отвести внимание от себя, она наклонилась, подобрала единственный уцелевший маленький флакон и потрясла им. Тот оказался почти пуст:

– У меня в рюкзаке есть шампунь, не оставляла его здесь. Пойдемте, – сказала Соня девочкам.

Они переглянулись, оживились и последовали за ней. Ксюшу, правда, Арине пришлось взять за локоть, чтобы та пошла с ними, а не оставалась пялиться на Якубова. Увидев бутылочку дорогого шампуня известной марки – а Соня не жалела денег на уход за волосами, поскольку в юности «спалила» их выпрямителем и теперь пыталась восстановить, – Даша ахнула:

– Святыня!

– Артефакт эпохи цивилизации, – поправила ее Арина.

– Дар богини гигиены! – весело добавила Ксюша, оглядываясь.

Ровно в этот момент рядом с Соней возник и Даня, который будто материализовался из воздуха.

– Так, – серьезно произнес Даня. – По закону экспедиции...

– Ты же только что из душа, – ехидно перебила его Даша, а Соня прижала флакон к груди, словно защищала семейную реликвию.

– И что? – невозмутимо продолжил Даня. – Может, я хочу, чтобы моя шикарная шевелюра пахла клубникой. Как у Сони.

– Откуда ты знаешь, что ее волосы пахнут клубникой? – покосилась на него Ксюша. – Мы не открывали флакон, чтобы понюхать...

Даня говорил в обычной шутиливой манере, но в какой-то момент взгляд его скользнул по волосам Сони, чуть растрепанным после жаркого дня. И прежде, чем она успела хоть что-то сказать, наклонился совсем чуть-чуть, почти незаметно, будто просто посмотреть, какой именно шампунь она держит в руках. Даня едва коснулся кончиком носа выбившейся пряди у ее виска.

По шее Сони пробежали мурашки: теплые и стремительные, как искры от костра. Даня тут же отстранился, будто сам удивившись своему движению, и поднял руки в жесте капитуляции.

– Да, точно, – сказал он тихо. – Пахнет действительно... очень хорошо. Клубникой. Я люблю клубнику.

Соня почувствовала, как уши вспыхнули. Девочки как по заказу зависли в полной тишине. Арина прикусила губу. Даша посмотрела сначала на него, потом на Соню с таким выражением лица, будто увидела вживую сюжет своей любимой мелодрамы. В глазах Ксюши вспыхнуло недоумение, она поджала губы и спустя секунду вдруг заявила:

– Я... я больше не хочу в душ! Спокойной ночи!

И, развернувшись, пулей убежала в свою палатку. Ошеломленная Соня стояла с флаконом, прижатым к груди. Она посмотрела на Якубова широко распахнутыми глазами, а тот лишь чуть виновато улыбнулся и снова напустил на себя уверенный и важный вид.

– Так что, Королева, поделишься? Спорим на шоколадку, что...

Соня медленно убрала флакон за спину:

– Только если ты признаешь, что твой «универсальный шампунь для мужчин»...

Даня закатил глаза заранее.

– ...это средство для мытья посуды.

Сзади кто-то так громко рассмеялся, что цикады в кустах на секунду сбились с ритма. Это был Витя, который подошел к ним.

– Эй, оно многофункциональное!

– Еще скажи – экологичное.

– Между прочим, да!

– Да? А почему тогда после него тарелки блестят сильнее,

чем твои волосы?

Витя согнулся пополам от смеха, а Арина звонко хрюкнула. Даже суровая Даша не сдержала улыбки. Даня театрально устало потер лицо ладонью:

– Ладно. Обмен. Мое какао за пять капель твоего волшебного эликсира.

– Три, – отрезала Соня. – И это окончательная цена.

– Три?! Да ты...

– Именно.

Даня покачал головой.

– Ладно, хватит, – сказала Соня, посмотрела на девочек и протянула флакон Даше. – На, держи. Вы с Ариной – первые. Если что-то останется... – она бросила взгляд на Даню, – только тогда можешь претендовать на три капли.

– Три, – хором повторили Арина и Даша, едва сдерживая смех.

Даша прижала бутылочку к груди как священную реликвию.

– Моя челка будет в восторге! – выдала она и понеслась к душе.

Арина поспешила за ней, Витя же, проходя мимо Дани, одарил Соню многозначительным «М-м-м, понятно!» и скрылся за палаткой. А Соня стояла и недоумевала: зачем Якубову ее шампунь?..

Лагерь жил своей вечерней жизнью: звенели чашки, из «кухни» доносился приглушенный смех Анны Павловны,

тренькнула гитара – кто-то пробовал разучивать аккорды, тихо от легкого ветра хлопали полотнища палаток. Все смешивалось в мягкий вечерний шум, уже знакомый и такой уютный.

Но вокруг них будто образовался маленький круг тишины. Словно лагерь шумел чуть в стороне, оставляя им личное пространство для разговора.

– Значит, только если останется, – протянул Даня, приподнимая бровь. – Это жестоко даже для тебя, Королева.

– А что ты хотел? Дефицитный товар.

– То есть я в очереди последний?!

– Ну... – Она пожала плечами, будто подбирая слова.

На самом деле она внезапно поймала себя на том, что рассматривает его: как волосы упали на лоб, как в уголках глаз собираются смешинки, как на скулах играет теплый свет от фонаря у палатки. И, черт, почему он стоит так близко, что хочется провести пальцами по щеке?!

Соня заставила себя выдохнуть и на мгновение отвести взгляд в сторону. Заметил ли он это?

«Ну конечно заметил! – чуть раздраженно подумала она. – Подумал, что веду себя как дурочка, а не как профессионал во всем! Хотя какой я профессионал? На рынке отношений я скорее дилетант...»

Уголок губ парня едва заметно приподнялся, не хвастливо, а скорее удивленно, как будто он и сам не ожидал, что станет объектом такого пристального внимания. Он провел

рукой по волосам.

Соня поспешно ткнула Даню пальцем в плечо, чтобы скрасить неловкость:

– Все. Хватит на сегодня, Якубов. Пора спать. А то своими выходками ты мне только режим сна сбиваешь!

Даня наклонил голову и заглянул ей в глаза.

– Хм. Значит, *из-за меня* ты не спишь вовремя?

Соня фыркнула, делая вид, что фраза прозвучала смешно, а не волнующе, как это было на самом деле.

– Из-за тебя, из-за твоих вечных споров, комментариев и... шампуней.

Он наклонился ближе, и Соня почувствовала тепло его дыхания.

– Знаешь, ради кого попало режим сна не сбивают.

Соня застыла. Внутри что-то дрогнуло. Она поспешно отступила на шаг, словно это могло вернуть ей контроль над собой: над дыханием, над биением сердца, над той странной легкостью, что теплом разливалась в груди.

– И не ломал я ту полку с шампунями, Королева! – притворно воскликнул Даня, перекинул полотенце на другое плечо и направился к «штабу» как ни в чем не бывало. Только вот походка у него была слишком довольная.

Соня стояла еще пару секунд, пытаясь понять, *что вообще это было*. Он... заигрывает? Или ей показалось? Нет, ну точно показалось. У них же соперничество, а не... это. Хотя если человек пытается вдохнуть запах твоего шампуня... это

уже как минимум подозрительно и наводит на определенные мысли!

Соня решительно тряхнула головой и двинулась к кухне, откуда доносился запах чего-то вкусенького. Но стоило пройти мимо палатки Арины, как она услышала шепот:

– Видела, да?

– Видела, – так же шепотом ответила ей Даша. – Ну просто кино! Не хватает только замедленного движения и саундтрека про любовь и судьбу.

– «Думает, что любит тебя! – Да она не может любить меня! – Да я люблю тебя!» – процитировала Арина.

Девочки захихикали, а Соня, конечно, сделала вид, что ничего не услышала. Четкая походка, бесстрастное лицо, независимость во всей своей королевской красоте. Но внутри... Внутри все хотело смеяться, танцевать и вообще вести себя неподобающим образом.

...Все шло своим чередом. За этот срок Соня сблизилась с несколькими девочками, коллеги доверяли ей инструменты, вместе они смеялись и делились забавными историями из жизни. В работе она показывала отличные результаты, и, казалось, практика складывается именно так, как она и ожидала.

Иногда, правда, вмешивалась погода: пару раз внезапный дождь загонял всех в палатки, и один рабочий день пришлось вычеркнуть из графика. Но такие мелочи воспринимались как неизбежная часть лагерной жизни.

После случая с шампунем что-то между Соней и Даней изменилось, хотя сразу это было трудно заметить. Она все чаще ловила себя на мысли, что Якубов придирается почему-то исключительно к ней. То она, по его безусловно экспертному мнению, слишком медленно завтракает, что плохо для пищеварения, то слишком быстро выходит из палатки по утрам, и «организм не успевает адаптироваться к бодрствованию».

Иногда его замечания доходили до такого абсурда, что девочки просто давились от смеха, а вот Соне было не смешно. Даня мог совершенно серьезно заявить, что она держит кружку под неправильным углом и из-за этого «оптимальная теплопередача чая в атмосфере нарушается». Разумеется, говорил он это с видом великого лектора, и, естественно, никто не воспринимал Даню всерьез.

Соня предполагала, что это может быть его своеобразной реакцией на то, что она тогда не приняла его внимание – не подыграла, не включилась во флирт. Но разве так вообще заигрывают с девушками? Сначала бесконечные споры, будь то на переменах в школе, потом – эти нарочито умные подколки, балансирующие между иронией и издевкой, и на закуску – попытка заигрывать. Все это выглядело слишком по-детски и сбивало с толку.

И все же иногда ей приходила в голову другая мысль: а что, если это и есть его способ быть рядом? Может, стоило перестать сопротивляться и хотя бы раз ответить ему в том

же ключе – не всерьез, не на перспективу, а просто позволить этой игре случиться.

Но как только она допускала подобную мысль, ее тут же опережала другая: боязнь, что, возможно, начатые отношения закончатся вместе с этой практикой. А вместе с этим уйдет и лето, и приятные впечатления, и ощущение, что жизнь стала ярче.

Очередной день подходил к концу. Солнце тонуло за краем холмов, окрашивая лагерь в мягкие оттенки оранжевого. Полдня лил дождь: летние капризы крымской погоды. Из-за него работа постоянно прерывалась: землю размывало, стенки квадратов осыпались, и приходилось ждать, пока верхний слой подсохнет.

С самого утра все будто пошло наперекосяк. Грузовик Серёги сломался в деревне, и ему пришлось остаться там, чтобы чинить машину у знакомого. Поэтому Анна Павловна не приехала готовить завтрак и обед. Хорошо, что в лагере был стратегический запас консервов, хлеба, воды и сладенького. Они-то и спасли всех от голода.

Арина даже заявила, что всему виной ретроградный Меркурий. В гороскопы и звездам Соня не верила. Для нее существовали факты, здравый смысл и убеждение, что природа любит проверять людей на прочность. И сегодня проверка удалась на славу.

Когда окончательно стемнело, все разошлись по палаткам удивительно быстро, будто лагерь по щелчку превратился в

сонную деревню. Ни тебе вечерних посиделок у костра, ни историй под кружку горячего чая, ни Витиных песен, которые обычно затягивали всех до самой ночи. Даша и та сегодня не делала яркий макияж, как обычно. Хотя Соня догадывалась, что этому причина – Серега, которого не было в лагере. Так или иначе, день вымотал всех до основания.

Соня забралась в палатку, быстро переоделась, закуталась в спальник... и, к своему раздражению, поняла, что сон даже не собирается приходить.

Соседка уже спала и похрапывала так, что казалось, будто стены слегка вибрировали. А Соня лежала с телефоном в руках и вот уже час, как бездумно гоняла разноцветные камушки в какой-то скачанной еще в автобусе игре «три в ряд».

Сеть, как назло, ловила только возле палатки Игоря Петровича, поэтому даже отвлечься на соцсети не выходило.

Внезапно ушей коснулась приятная тихая музыка. Кто-то играл на гитаре красивую мелодию. Витя? Только он умеет играть. Но у него всегда есть легкая расхлябанность, будто играет, отвлекаясь на сто мыслей. А тут – просто мед.

Соня удивленно приподнялась на локтях. Послушала. Интерес взял верх над усталостью, и она тихо выбралась из палатки, стараясь не разбудить Дашу.

Снаружи было прохладно. Дождь смыл дневной жар, и воздух стал свежим, влажным, с легким запахом степных трав и почвы. Местами в тусклом свете блестели лужицы.

Палатки стояли почти в темноте: лишь в нескольких местах тускло горели фонарики, которые оставляли на ночь для удобства. Цикады перекликались особенно громко, а где-то в кустах пела ночная птица.

Музыка звучала со стороны кострища. Мелодия была такой теплой, будто кто-то играл только для себя, не ожидая слушателей.

Соня на носочках, чтобы не спугнуть гитариста, пробиралась между палатками. Мелодия вдруг оборвалась.

– Королева? – тихо спросил знакомый голос.

Костер догорал, и возле него сидел Даня. Оранжевые отблески мягко скользили по его скулам, подсвечивали волосы, делали взгляд... непривычно спокойным.

Спорщик и вечный комментатор – и вдруг такой тихий, погруженный в музыку. Соня на секунду даже забыла, что хотела сказать. Она почувствовала, как слова сами поднимаются к горлу: «Ты красиво играешь... Продолжай...»

Даня, увидев ее, вскинул бровь.

– Ну точно Королева. Так и думал, что ты. Что, пришла проверить, не фальшивлю ли? Чтобы потом меня же поправлять?

Он сказал это легко и совсем не язвительно, а скорее... Даня словно защищался. Будто очередная шуточка в адрес девушки была панцирем, который он надевал автоматически.

Соня моргнула и мгновенно передумала говорить все доб-

рое, что хотела секунду назад.

– Нет, – спокойно ответила она. – Просто услышала, что кто-то играет, и решила убедиться, что это не ветер случайно задел струны.

Даня задумчиво смотрел на нее несколько секунд, прикусив щеку, словно взвешивая что-то в уме, после чего выдал:

– Убедилась?

Слово прозвучало как легкий укол, заставив Соню вздрогнуть. Она даже не посмотрела на него, просто развернулась, собираясь уйти к своей палатке, но за спиной прозвучало:

– Королева, стой.

Она резко повернулась, под ногами захрустели камешки. В глазах блеснуло раздражение.

– Что ты хочешь? – выпалила она. – Играешь? Ну и сиди, играй. Бард на полставки. Почему ты вообще меня вечно задеваешь и цепляешься ко всему, что я делаю?!

– Да не цепляюсь я... – пробормотал Даня, прикрываясь гитарой.

– Нет, цепляешься! – Соня шагнула вперед, отсекая сомнения. – К другим девочкам ты так не лезешь со своими непрошеными советами и колкими фразочками.

– Я со всеми одинаково разговариваю, – сказал он, хмурясь. – Чего ты привязалась?

– Это я привязалась?! – Соня вспыхнула, как сухая трава от зажженной спички.

Вот это слово – «привязалась» – и стало катализатором.

Требовалось совсем немного, чтобы ее прорвало. И прорвало.

Она вскинула руки, резко, нервно, словно отмахиваясь от чего-то невидимого.

– Чуть ли не с первого дня ты издеваешься! – Соня чувствовала, что голос дрожит, но остановиться уже не могла. – Когда Арина случайно пролила кофе прямо в ящик с инструментами, ты даже бровью не повел, просто помог вытереть. Когда Илья умудрился оставить сушиться ботинки у костра так близко, что один чуть-чуть подплавился, ты просто посмеялся и сказал, что «теперь левый более узнаваемый». Витя играет на гитаре ужасно, но ты ни разу, заметь, ни разу не сделал замечание. И ладно бы слуха не было, но ты, Якубов, оказывается, музыкант. Что, не режет его игра уши?

Даня молчал. Выговорившись, Соня выдохнула резко, как после забега на короткой дистанции, и посмотрела на него так, будто пыталась наконец-то сопоставить человека перед собой с его странным поведением.

Он отложил гитару в сторону и чуть откинул голову назад. На лице мелькнуло выражение, похожее на «Что вообще происходит?», и Даня на секунду потерял свою обычную уверенность.

– А я? Все я делаю не так, по твоему «экспертному» мнению!

– Королева, просто я... – начал было Даня, поднявшись с бревна, служившего скамьей у костра, но в этот момент у

Сони в кармане вдруг раздался оглушительный писк, который в ночной тишине показался особенно резким, звонким и совершенно неуместным. Телефон, молчавший почти весь день, поймал сеть рядом с палаткой руководителя, а потому одно за другим посыпались уведомления.

– Да чтоб тебя... Сейчас весь лагерь проснется, – с досадой прошептала Соня и, вынув из кармана толстовки смартфон, отключила звук.

Но было уже поздно: из палатки Игоря Петровича раздалось сердитое ворчание. Видимо, уведомления стали последней каплей. Через пару секунд молния разъехалась и изнутри высунулась голова руководителя. Растрепанный, сонный, с выражением лица человека, которого разбудили в момент, когда снился прекрасный сон, Игорь Петрович перевел взгляд с Сони на Даню.

– Якубов. Королева. Скажите мне... вы сейчас серьезно?

– Мы... это... Я... – Кроме этого жалкого писка, выдавить Соне особо ничего не удалось.

– Не надо, – перебил Игорь Петрович, поднимая ладонь. – Я не хочу знать, что именно вы снова выясняете между собой в двенадцать ночи у моей палатки! Я хочу спать.

Словно в подтверждение сказанного, руководитель зевнул так широко, будто собирался проглотить весь лагерь и их разборки, но упрямо продолжил:

– С завтрашнего дня вы работаете вместе. Пока не научитесь... – он поискал нужное слово, – ...работать, как одна

команда.

– Игорь Петрович, и вы туда же! Что за детский... .

– Завтра один квадрат и один комплект инструментов на двоих. И миритесь там как хотите, – грозно прервал ее руководитель. – Надоели уже, как школьники! Все. Спать.

Он сделал неопределенный жест рукой и спрятался в палатке.

– Может, пока будете копать бок о бок, хоть перестанете устраивать тут ночные «Санта-Барбары»! – донеслось глухое из палатки напоследок.

Соня стояла, будто ее окатили водой. Растерянность оборвалась с обидой, обида – с усталостью, усталость – с желанием поругаться на Даню.

Прекрасно.

Великолепно.

Завтра она будет работать весь день рядом с этим... .
этим... . Она медленно выдохнула.

– Отлично, – выдала Соня спокойно, хотя внутри все бурлило. – Еще лучше дня и придумать нельзя было.

Даня по-прежнему молчал и странно серьезно смотрел на нее, будто что-то пытался понять или подобрать слова.

– Если честно... . – он на секунду опустил взгляд, – Соня, я не хотел, чтобы все так вышло.

Соня дернулась, словно от внезапного толчка.

– Конечно. А вышло само? – язвительно бросила она, подняв подбородок. – Как обычно.

Даня снова хотел что-то сказать, набрал воздух... но выдохнул, передумав. Легкая, непривычная для него растерянность мелькнула на лице, будто он впервые проиграл спор, который даже не начинал.

– Ладно, Королева, – тихо сказал он. – Спокойной ночи.

Даня поднял ведро с водой, стоявшее рядом, и потушил костер. Угли приглушенно зашипели.

Соня не ответила на его «спокойной ночи». Она даже не была теперь уверена, слышала ли его толком: слова утонули в гуле эмоций, которые до сих пор не желали укладываться внутри. Соня просто коротко кивнула, больше самой себе, чем Якубову, развернулась и направилась к своей палатке. Даня шел позади, не догоняя и не опережая ее.

Она юркнула в палатку, молния со свистом сомкнулась, ставя точку в самом странном вечере за всю практику. Внутри было на удивление тихо. Соня сняла толстовку, забралась в спальник, положила кулак под щеку и уставилась в стенку палатки.

Завтра ей придется работать вместе с Даней.

– Зашибись, – прошептала она. – Ну просто класс!

И только спустя несколько минут поняла, что злость почему-то уже не такая сильная, как была. Почему он молчал в конце? Почему смотрел так? И почему это вообще ее волнует?

Соня поморщилась и натянула спальник до подбородка.

«Не думай о нем, – приказала она себе. – Вот вообще. Ни

единой секунды»

Но, как назло, в голове упорно проигрывались события вечера: его растерянное лицо, когда Соня на него накинулась; тихое и слегка виноватое «если честно...». И взгляд: не колкий, не победный, как обычно, а какой-то... слишком настоящий.

Соня закрыла глаза, но от этого образ Якубова становился только отчетливее. Почему так? Почему именно сейчас, после ссоры, после всех его придировок?

Вздыхнув, она повернулась на другой бок. Спальный мешок тихо зашуршал, Даша завозилась и затихла.

«Ну и ладно, – подумала Соня. – Пусть смотрел. Завтра снова начнет спорить. И все встанет на свои места. Обязательно встанет».

Но уверенности в этой мысли не было, где-то глубоко внутри уже ворочалось что-то другое, теплое и упрямое. То самое странное чувство, которое она никак не хотела почему-то признавать.

Проснулась Соня без будильника. Тело уже привыкло к жесткой земле и тонкому коврику, а легкий шум палаточной ткани, когда ее касался ветер, казался чем-то знакомым и почти успокаивающим.

Она выбралась из спальника, поежилась от прохлады и направилась к «умывальной станции» – небольшой алюминиевой канистре с водой, установленной между двумя невысокими деревьями. Канистра была оборудована краном, из ко-

торого тонкой струйкой текла вода: Серега постарался сделать жизнь студентов более комфортной. Соня быстро умылась и почистила зубы, ловя взглядом отражение в маленьком зеркале, прикрепленном к ветке.

Лагерь потихоньку оживал. Игорь Петрович сообщил, что из-за поломки машины Сергей приедет только к девяти в лучшем случае, а значит, завтракать все будут тем, что есть в запасах, по принципу «что найдем, тем и живем». В меню значились: чай, кофе, хлеб, сгущенка, какие-то печенья и быстро завариваемая каша, которая, по общему мнению, содержала в себе половину таблицы Менделеева и еще немножко из будущих открытий.

Когда Соня заваривала себе чай, лагерь почти проснулся. Аромат кофе смешался с запахом сырой земли после ночного дождя, дымком и чем-то сладким. Практиканты сонно жевали хлеб и печенье, шуршали пакетиками с кашей и лапшой быстрого приготовления, лениво тянулись к кружкам и чайнику.

Соне даже показалось, что этим утром одна она бодря в этом полусонном царстве. Витя, с облезлой металлической походной кружкой в руках, задумчиво глядел в пустоту. Арина нехотя ковыряла кашу ложкой, Даша рассеянно мазала на хлеб сгущенку, которую еще минуту назад называла «абсолютным сахарным злом», и о чем-то разговаривала с двумя другими девочками.

А вот Ксюша держалась по-прежнему отстраненно. Ка-

жется, она нашла нового друга в лице молчаливого Ильи. Они сидели рядом, ели, пили чай и... синхронно молчали, как два члена тайного братства молчунов. И вдруг до Сони дошло: да Ксюша же ревнует! Со стороны всегда виднее, кто кому нравится или не нравится, значит, Ксюша точно заметила что-то между ней и Даней. Пусть мимолетное, пусть еще почти неуловимое, но все же. А слова девочек после инцидента с шампунями? И внезапно родилась мысль, от которой Соня чуть не поперхнулась чаем: если со стороны виднее, то вдруг все уже давно видят, что Даня ей нравится?

И эта мысль, кажется, стала признанием самой себе.

Соня покосилась на Якубова. Даня сидел чуть поодаль, возле сложенной кучи рюкзаков, и уминал лапшу. На лице не было ни следа ночного разговора, ни тени той странной растерянности, что мелькнула вчера у костра. Он выглядел спокойным, собранным, даже слегка насмешливым. Впрочем, как обычно. Якубов смотрел куда угодно, только не на нее. Говорил со всеми девочками, что обращались к нему, но даже и не глянул в сторону Сони. Сердце непроизвольно сжалось: сегодня им предстоит работать вместе, а он уже делает вид, что она для него невидимка.

Соня резко отвернулась и залпом сделала глоток чая. Дурацкий Якубов! Свалился на ее голову! И утро вмиг перестало быть обычным. Вот уж и правда магия утра!

– Так, студенты. – Голос Игоря Петровича вырвал Соню из мыслей. – На сегодня распределение такое. Арина и Ви-

тя – профильная съемка у северной траншеи, аккуратно там, не зацепите маркировку. Даша и Аня – проверяете квадрат у каменного завала, щуп² там вчера дал хороший отклик. Ксюша и Илья...

Руководитель перечислял обязанности и дошел наконец до Сони и Дани.

– Королева и Якубов – дальний квадрат, возле входа в карстовую нишу. Там аккуратнее: грунт рыхлый, делювиальный³, склон нестабильный, может осыпаться. Работаете медленно и не геройствуйте, тем более что у вас один набор инструментов. – Он обвел взглядом всех. – Вопросы есть?

Все притихли, переглянулись. Это была тишина, в которой прекрасно и отчетливо слышалось коллективное «ого». Девочки зашущукались и тут же устали на Соню. Ксюша демонстративно отвернулась. Даня, напротив, повел плечом так, будто работать бок о бок с Соней было частью его ежедневного расписания.

– А почему они вдруг будут работать вдвоем да еще и одним набором инструментов? – все же озвучила вопрос всех любопытная Арина.

– Это так... необычно, – лукаво улыбнувшись, добавила Даша.

² Инструмент для проверки плотности грунта, выявления пустот, артефактов или изменений слоя; «дает отклик», когда чувствует необычное сопротивление или пустоту.

³ Слой осадочных пород или рыхлого грунта, перенесенный и накопившийся на склоне холма или подножии горы потоками воды, талым снегом или дождями.

– В этом нет ничего необычного, – бросил Даня, поднимая ящик с инструментами, так, будто эта новость его совершенно не касается. – Рабочий день как рабочий день.

Игорь Петрович только махнул рукой.

– Потому что наказаны. Как два школьника, – ответил он девочкам. – Еще вопросы будут? Нет? – Он хлопнул в ладоши. – Отлично. Работайте.

Даня, словно ничего не произошло, развернулся и уверенно направился к месту их «каторги». Он снова даже не взглянул на Сою!

Она посмотрела ему вслед, затем подняла голову. Было всего шесть утра, небо еще не успело полностью проснуться: оно нависало над лагерем серовато-голубое, словно сонное. А по его поверхности медленно плыли тяжелые облака, такие густые, что казалось: стоит им лишь чуть-чуть зацепиться за вершину холма – прорвет и хлынет вода.

«Только бы не дождь...» – подумала Соня и, игнорируя любопытные взгляды девочек, быстро пошла следом за Якубовым.

Несколько раз Даня останавливался, наклонялся, подбирал с земли крупные угловатые камни и клал их в ящик. Соня наблюдала за этим и набрасывала варианты, для чего он это делает.

«Интересно, – прикидывала она, – он собирается выложить из них какое-нибудь таинственное послание потомкам? Типа „Здесь был Даня“ – из булыжников? О нет! Может, он

крымский Сизиф!⁴ А вообще, если так пойдет и дальше, мы можем не копать: он просто завалит раскоп камнями...»

Место, которое должно было стать полигоном для примирения, оказалось на отдаленной окраине раскопа, в стороне от других практикантов. Остальные ребята и руководитель едва угадывались: маленькие фигурки внизу, за холмистой грядой. Здесь же, повыше, царила тишина, такая, что слышно было, как ветер шелестит сухими травами и периодически падает глинистая крошка со стенок их квадрата.

Даня молча поставил ящик на землю, присел и начал доставать инструменты: совок, кисти, шпатели, рулетку и прочее необходимое оборудование. Соня стянула объемную толстовку и осталась в одной бежевой футболке. Цвет был, конечно, не самый практичный, но выбирать не приходилось, поскольку остальные футболки так и не высохли после дождя.

Несмотря на то что было раннее утро, воздух уже нагрелся, стало душновато. Тяжелые тучи по-прежнему висели низко, словно собирались придавить склон всем своим весом.

«Парит. К дождю», – подумала Соня.

– Тебе удобнее кисть или шпатель? – спросил Даня, поднимая взгляд на девушку.

⁴ Персонаж древнегреческой мифологии, строитель и царь Коринфа. Также от имени Сизифа возникло выражение «сизифов труд», которое означает тяжелую, бесконечную, безрезультатную работу и муки.

Соня чуть заметно вздрогнула от неожиданности. На секунду она замялась, нервно заправила прядь волос за ухо, после чего ровно ответила:

– Шпатель. Средний. Спасибо.

Даня выпрямился и протянул ей инструмент. Их пальцы на мгновение соприкоснулись, и Соня тут же одернула руку, будто от неожиданного разряда тока. Даня бросил на нее короткий взгляд, но сделал вид, что ничего не заметил, взял кисть и отошел к противоположному краю квадрата.

Работали они сначала почти не глядя друг на друга. Точнее как, Соня нет-нет да посматривала в сторону Якубова, и всякий раз он на нее не смотрел. От того, что она постоянно косится, становилось неловко: Соня чувствовала себя Штирлицем, который как никогда был близок к провалу.

Она старалась сосредоточиться на работе, но мысли все равно упрямо возвращались к Дане. Почему он сейчас не комментирует ее действия? Ведь это самый подходящий момент! А может, просто нет зрителей? Да нет, глупость какая, уж Дане зрители не нужны, чтобы ее поучать. А что же тогда?

Час пролетел почти незаметно. Участок, который выбрала Соня, оказался пустым: ни черепка, ни намек на хоть какую-то мелкую находку, только плотная упрямая глина. Судя по подозрительной тишине со стороны Якубова, у него дела обстояли не лучше, иначе он уже непременно сообщил бы об артефакте.

Соня выпрямилась, провела ладонью по влажному лбу,

стирая капельки пота, осторожно отступила на пару шагов назад и решила сместиться к соседней зоне в пределах квадрата, туда, где грунт выглядел более рыхлым. В тот же момент Даня, не заметив ее маневра, шагнул туда же, сосредоточенно глядя под ноги.

Соня инстинктивно отпрянула, потеряла равновесие, и нога тут же поехала по влажной скользкой земле. Даня среагировал мгновенно: одной рукой перехватил ее за предплечье, другой – за талию, резко притягивая к себе. Соня по инерции ткнулась ему в грудь и инстинктивно ухватилась за ткань его футболки. Несколько безумно долгих секунд они так и стояли посреди квадрата, забыв про брошенные инструменты, про конфликт, про весь лагерь в целом.

Соня медленно перевела взгляд на него. Даня был слишком близко. Настолько, что она могла заметить, как на виске бьется тонкая жилка, пересчитать все его длинные редкие реснички, рассмотреть получше шрам на брови. Кажется, это все же был след от укуса.

– Какие у тебя ресницы! – вырвалось у нее.

Даня впервые за сегодня улыбнулся.

– Это можно считать комплиментом?

– А ты в них нуждаешься?

– Да вроде не нуждаюсь, – пожал он плечами и тут же осторожно разжал руки, помогая Соне встать ровно. Его ладонь еще на секунду задержалась на локте девушки, словно проверяя, уверенно ли она держится, и только потом Даня от-

ступил на полшага.

Соня внезапно ощутила, как к щекам подступает жар. Она поспешила опустить взгляд, делая вид, что отряхивает джинсы.

– А вот тебе... – неожиданно сказал Даня уже тише, без привычной усмешки. – Тебе я, пожалуй, сделаю комплимент.

Соня настороженно уставилась на него.

– Чего?

– У тебя самые красивые глаза, которые я когда-либо видел.

Жар моментально отступил, и ее будто обдали холодом от таких слов. Соня фыркнула и произнесла как можно более безразлично и легко:

– Все парни так говорят. «Соня, твои глаза как два изумруда!» – передразнила она одного из своих бывших ухажеров. – Про глаза у вас, мужчин, кажется, базовая фраза, вшитая в заводские настройки.

Она хихикнула сама своей же, как ей показалось, удачной шутке, но Даня медленно и серьезно покачал головой.

– Нет. Про глаза говорят обычно тогда, когда не умеют смотреть глубже. А у тебя... – он на секунду запнулся, подбирая слова, – у тебя они такие, что в них видно, когда человек врет, когда злится, когда боится и когда радуется по-настоящему. Такие невозможно не заметить. И невозможно перепутать. Это самые красивые глаза.

Соня замерла. На мгновение она совсем забыла, где находится, и смотрела на Даню уже без тени улыбки. И впервые за все время отчетливо поняла: он вовсе не простой балабол, каким кажется или хочет казаться.

– Я... спасибо... – Соня растерялась и тут же почувствовала, как это ее короткое «спасибо» прозвучало чересчур тихо и неуверенно.

Она уставилась на свои кроссовки, которые из розовых за время практики уже приобрели знаменитый серо-буро-малиновый цвет. В мыслях все сбилось. Соне хотелось что-то сказать – остроумное, легкое, – но на ум не приходила ни одна реплика.

Тишина между ними стала слишком ощутимой, и Даня, словно почувствовав это, кашлянул и неожиданно заговорил уже другим тоном, в котором улавливались нотки смущения.

– Слушай, Соня...

Соня тут же подняла на него удивленный взгляд.

– Я должен сказать кое-что. И, наверное, давно. Я вел себя... – Даня помедлил и провел по лицу, будто стряхивая неуместные эмоции. – Как идиот. Все эти придирки, подколы, вечные замечания. Ты вчера все верно сказала. Сначала я даже удивился: это я-то такой? А потом понял, что и сам за собой этого не замечал. Ты совсем мне не мешаешь. Более того, я рад, что ты здесь, с нами в экспедиции.

Он замолчал, и его взгляд – внимательный, сосредоточенный на ее лице – взволновал Соню так, что ладошки вмиг

вспотели. Она промолчала, не найдя ответ, и тогда Даня продолжил:

– И вообще – ты мне не конкурентка.

Соня вскинула брови. Даня тут же понял, как прозвучала эта фраза, и поспешил оправдаться.

– О, нет-нет! Я имел в виду, что на самом деле нет никакой конкуренции между нами! Ты нормальный... нет, ты отличный специалист для своего возраста. Ты умная. Это видно сразу!

Соня моргнула.

– А что же тогда это за счетчик косяков такой ты вел в работе?

Даня наклонился, поднял с земли кисть, покрутил ее в пальцах, словно не знал, куда деть руки.

– Глупость, – признал он. – Я не цепляюсь к людям просто так. Особенно к девушкам. Взрослый дядька уже, а... А с тобой будто... переклинило, что ли. Давно я себя так не вел.

Он взял ее за руку и посмотрел в глаза:

– Прости. Правда.

Пальцы Дани были теплые, чуть шершавые. Соня вдруг поймала себя на том, что перестала подбирать слова, чтобы ответить ему. Мысли, еще секунду назад шумные и беспокойные, гудящие как пчелиный рой, вмиг рассыпались на осколки, а в голове стало непривычно тихо, словно кто-то резко убавил звук скрежета невидимых шестеренок, которые обычно крутятся без остановки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.